

МЕНДЕЛ Д.

ЗАБАСТОВКА ШАХТЕРОВ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ, АНАЛИЗ

МЕНДЕЛ Дэвид — профессор Квебекского университета (Монреаль, Канада), доктор социологии, специалист в области русского и советского рабочего движения. В нашем журнале публикуется впервые. Текст печатается с сокращениями цитат из советских источников. Статья написана осенью 1989 г.

Шахтерская стачка в июле 1989 г. стала первой широкомасштабной акцией рабочего класса в перестройке, и наиболее массовым забастовочным движением вообще, со времен Октябрьской революции. В отличие от весенних выборов на съезд народных депутатов она не вписывалась в рамки, установленные и одобренные современным руководством партии и государства. Эта забастовка заслуживает тщательного анализа, хотя бы для того, чтобы лучше понять характер и стремления советского (и особенно русского) рабочего класса.

В высказанном неизвестным автором и часто повторяемом советскими политиками и журналистами суждении забастовка предстает выражением поддержки «снизу» экономической политике Горбачева. (В этом, кстати, проявляется скрытое признание того факта, что экономическая реформа, инициированная «сверху», не является решением, принятым демократическим путем. Руководство партии и государства декларировало альтернативу: либо еще худшее бюрократическое управление хозяйством, либо рыночная реформа, и до всенародного обсуждения допустило лишь детали частного свойства.) Выступая по Центральному телевидению во время забастовки, Горбачев заявил, что, несмотря на драматичность ситуации, он восхищен шахтерами, взявшими развитие событий в свои руки [11]¹. В то же время утверждение, что забастовочное движение является перестроечной акцией, следует сопоставить с широкораспространенными сомнениями (высказываемыми часто в завуалированной форме), что успешное претворение в жизнь рыночной реформы потребует «жесткой руки», если не Кавеньяка.

Причины и социальный фон забастовок

Два важнейших за годы перестройки сдвига в отношениях между рабочими и бюрократией - это потеря трудящимися страха перед репрессиями и подрыв в ходе реформы традиционных форм негласного сообщничества работников с администрацией, причем все еще не замещенных сколько-нибудь экономически здоровым сотрудничеством. Возможность забастовок была опробована в ходе локальных стачек, о многих из которых пресса писала с симпатией. Добавила смелости рабочим и массивная критика центральными властями и прессой местных и отраслевых хозяйственных руководителей. И наконец, односторонний разрыв «тайного» сговора - «вы делаете вид, что нам платите, а мы делаем вид, что работаем» - развязал рабочим руки для коллективного протеста против нищенских условий жизни и произвола руководителей. Разрушение традиционных отношений с управленцами

¹ Редакция не несет ответственности за авторскую интерпретацию выступления М. С. Горбачева.

привело к тому, что рабочие остро ощутили отсутствие каких-либо организаций, отстаивающих их интересы. Профсоюзы рассматриваются шахтерами как придаток администрации, а органы производственной демократии: или «самоуправления» чаще всего являются прикрытием от внешней критики для директоров шахт, многие из которых по совместительству занимают посты председателей советов трудовых коллективов.

В самом общем виде можно сказать, что забастовки шахтеров были реакцией на бюрократически плохое управление экономикой. Горняки выступили против присущей всей советской системе тенденции обращаться с рабочими, и вообще с населением, как с фактором производства, неизбежными издержками последнего. Человек не считался высшей и единственной целью этого производства, его потребности можно было игнорировать. Эта тенденция стала особенно заметна в угольной промышленности после 1958 г., когда правительство приняло решение переориентировать энергетический баланс с угля на газ и нефть. В 1960 г. уголь составлял 60% объема добычи ископаемого топлива, а в 1980 г. уже только 20% [23]. Это означало изменение приоритетов капиталовложения, что в свою очередь отозвалось сокращением расходов на социальные нужды в шахтерских регионах, поскольку эти статьи местных бюджетов формируются исключительно за счет дотаций министерства. Усугублению социальной запущенности шахтерских городов и поселков способствовало и размещение их в местах, отдаленных от больших урбанистических центров, а, значит, и от внимания общественности.

В то же время угольные шахты, как и другие предприятия добывающей промышленности, не смогли использовать возможности, предоставленные экономической реформой для извлечения дополнительных прибылей. Они производят, в основном, один вид продукции, и поэтому не имеют возможности менять профиль производства, чтобы сконцентрироваться на более дорогих товарах. Не могут шахты и взвинчивать цены под предлогом повышения качества продукции. Не имели они до забастовки и права продавать или менять сверхплановый продукт на товары народного потребления и строительные материалы, поскольку весь выпуск продукции определялся госзаказом и отсутствовали прямые связи с потребителями.

В Междуреченске, шахтерском городе, где живут 107 тыс. человек, более 10 тыс. семей стоят в очереди на получение жилья (по данным на начало 1989 г.). Многие шахтеры с семьями живут в общежитиях. Кемеровская область (Кузбасс) занимает тринадцатое место по объему продукции и всего лишь сорок третье место по уровню обеспечения жильем. Существует огромная нехватка больниц, школ, детских дошкольных учреждений, спортивных сооружений, театров и прочего, что называется социальной инфраструктурой. Стали привычными перебои с водой и электроэнергией [24]. Типичным подходом министерства к инвестициям в социальную сферу является, например, его решение жилищной проблемы для тысячи новых рабочих горнообогатительной фабрики, возведенной недавно неподалеку от шахты «Распадская», кстати, самой большой в СССР. Не было выстроено ни одного здания.

Министерство просто отобрало два новых многоквартирных дома и общежитие, предназначавшиеся шахтерам, передав их прибывшим рабочим [2]. Долгосрочные планы министерства включают развитие открытой добычи угля, для чего нужны новые карьеры. Предполагается, что шахтеры из Донбасса, где многие шахты убыточны, будут трудиться на этих предприятиях вахтовым методом, а жить в общежитии для командированных, также отобранном у кузбассчан. Таким образом, политика увеличения объемов производства за счет разрушения социальной инфраструктуры продолжается. Похожая ситуация и в Донбассе. В последние десятилетия правительство неоднократно принимало специальные постановления, касающиеся шахтерских регионов, но ни одно из них не было выполнено в полном объеме [13].

Особенно серьезно обстоит дело с промышленным загрязнением окружающей среды в угольных бассейнах страны. Новокузнецк и Кемерово входят в десятку самых грязных городов мира, их жители умирают в среднем на десять лет раньше, чем в целом по Советскому Союзу [18, с. 10]. Экологическая ситуация везде стала угрожающей, но хуже всего, конечно, в Кузбассе с его открытыми угольными копами, карьерами и разрезами, которые, помимо всего прочего, уничтожают тайгу на огромных территориях.

Поскольку зарплата и размер пенсий шахтеров самые высокие в советской промышленности мы можем рассматривать их как противовес или, точнее, компенсацию за плохие условия труда и риск при подземных работах. В одной только Донецкой области 20 тыс. шахтеров трудятся при температурах значительно более высоких, чем допускают нормы [13]. Однако по сравнению с промышленностью в целом темпы роста заработной платы горняков в период с 1986 по 1990 гг. отстали в два раза. В результате 34 тысячи рабочих покинули шахты за последние три года [15]. Резко упал престиж шахтерского труда.

Официальный рабочий день горняка — 6 часов, но на практике он растягивается до десяти за счет потерь времени на пути в лаву и обратно, причем переработка не оплачивается. Шахтеры не получают и доплат за работу в вечернее и ночное время, как это предусматривалось постановлением, принятым в 1987 г. Другой негативный момент - постоянные перебои в материально-техническом снабжении, например, нехватка вагонов под отгрузку угля или бревен для крепления стволов, штреков и штолен, а также прокладки подземных узкоколеек. Все это особенно чувствительно в условиях хозрасчетных отношений. Наконец, надо сказать и о том, что большую часть прибавки к зарплате съедает инфляция и спекуляция, процветающая на фоне нищенского снабжения продуктами и товарами широкого потребления. Пустота прилавков в государственном секторе торговли вынуждает рабочих обращаться к рыночному снабжению и кооперативам, где цены очень высоки.

Другим источником неудовлетворенности, характерным для угольной промышленности, является скользящий график выходных, введенный 10 лет назад с одобрения профсоюза, но, парадокс, при повсеместно отрицательном отношении к нему рабочих. Это также дает представление о типично министерском подходе к решению производственных проблем за счет самих работников, которые теперь в семь раз реже проводят свои выходные с семьями.

Важной причиной, вызвавшей забастовки, является и коррупция местных властей, идущая бок о бок с попранием человеческого достоинства основной массы трудящихся, не связанных с коррумпированным чиновничеством. Проблемы эти не новы, однако они стали просто невыносимы в условиях перестройки, когда политические преобразования с большим трудом идут в шахтерских регионах. Ответом партийного руководства на местах в ходе разгорающегося конфликта стали запреты забастовок и санкции против их участников. Хотя первоначально большинство требований рабочих можно было удовлетворить усилиями местного масштаба, например, на уровне советов трудовых коллективов, власти по-прежнему считали достойным внимания лишь информацию и приказы, идущие с верхних этажей иерархии. Никаких заметных сдвигов не претерпела и проблема привилегий. Повсеместно на фоне социально-культурного долгостроя в спешке возводятся правительственные и партийные офисы - дворцы, жилые дома. дачи. Сауны, летние отпуска, проводимые в круизах, отдых на море в привилегированных пансионатах и санаториях — только для начальства, простым труженикам остается лишь горечь и гнев - эти слова или подобные летом 1989 г. говорил, объясняя причины забастовок, практически каждый шахтер. Рабочие в то же время видели непомерную раздутость бюрократического аппарата и рассматривали его как армию паразитов, "гораздых жрать, но не способных эффективно управлять экономикой". Видели,

как все блага, производимые ими, присваиваются бюрократами, чтобы исчезнуть без следа. Когда шахтерам говорили, что забастовки обходятся стране в миллионы рублей, рабочие сердито кивали на гигантские горы поднятого на гора угля, который слеживается и горит, в то время, как министерство спокойно взирает на отсутствие вагонов для его отгрузки.

Угольная промышленность, конечно, не единственный сектор экономики, где расходы на социальные нужды планируют до остаточному принципу, однако шахтеры выделяются среди других профессиональных отрядов рабочих тяжелой промышленности несколькими характерными чертами, предопределившими их коллективную борьбу даже в отсутствие организующих центров. Кроме профессиональной солидарности, развитой в силу самих условий шахтерского труда, к этим чертам можно отнести и то, что горняки составляют относительно стабильную социальную группу, во многом формирующуюся за счет жителей именно шахтерских регионов, состоящих из компактных и гомогенных поселенческих общностей. Этот механизм воспроизводства социальной группы резко отличается от ситуации в больших городах, где рабочие более гетерогенны и нестабильны в силу того, что дополнение рядов рабочего класса идет там в основном через приток кадров с периферии, а не за счет детей городских рабочих.

Хроника забастовочного движения

В то время как продолжительность, масштаб и форма шахтерских действий застали правительство врасплох, ученые и журналисты, пишущие по вопросам трудовых отношений, были прекрасно осведомлены о глубине неудовлетворенности горняков. В январе 1989 г. газета «Труд» опубликовала письмо нескольких заслуженных рабочих Междуреченска, которые с горечью писали о полном пренебрежении к решению социальных проблем, об антиперестроечной позиции министра М. И. Щадова и пустых обещаниях в ответ на новое, вполне реальное, повышение производительности труда и, соответственно, добычи угля. В тот раз министр просто не ответил на письмо своих корреспондентов.

Июльская стачка накатила на самом гребне беспрецедентной в советский период забастовочной волны: в первой половине 1989 г. потеряно 2 млн. человеко-дней, ежедневно бастовало в среднем 15 тыс. трудящихся, хотя в значительной мере это были забастовки на межнациональной почве [13]. Собственно угледобывающая промышленность за этот период пережила 12 стачек, в ходе которых выдвигались такие требования, как установление единого выходного дня по воскресеньям, 40% доплата за работу в ночной смене и т. д. [13]. Кузбасс, например, стал ареной нескольких коротких локальных конфликтов (январь - март) вокруг тех же самых проблем, что и позднее в июле. Они были быстро погашены, поскольку власти пошли на ряд частичных уступок и еще больше пообещали сделать в будущем. Аналогично развивались события и в Донбассе, и в Воркуте, где, например, рабочие шахты «Северная» не выходили на работу в течение трех мартовских дней, добившись замораживания решения о пересмотре норм и заставив администрацию выплатить положенную им премию (кстати, директор шахты и здесь был председателем совета трудового коллектива) [16].

Когда рабочие осознали, что ничто существенно не изменилось, они начали поговаривать о дальнейших, более решительных действиях. При этом большинство склонялось к тому, чтобы начать новый раунд борьбы осенью, предположительно в сентябре, когда близкое наступление холодов повысит потребность в угле и спорчивость властей. В конце весны 1989 г. несколько шахтеров Междуреченска вновь попытались привлечь внимание к своим проблемам, написав письмо в «Прожектор перестройки» на Центральное телевидение. После того, как эта бумага погуляла по кабинетам в Москве, в город шахтеров прибыла очередная комиссия,

однако и ее визит завершился обычными минимальными уступками и максимальными обещаниями.

В конце концов, рабочие шахты «имени Шевякова» (г. Междуреченск) форсировали события. В начале июля группа шахтеров сформулировала восемь требований и, собрав 500 подписей, передала их в ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности, в горком КПСС и директору шахты, дав им срок до 10 июля, чтобы выполнить требуемое, в противном случае - забастовка. 4 июля зачинщиков пригласили на встречу с членами СТК, профсоюзного комитета и администрацией шахты, однако дискуссия дошла только до шестого пункта требований, после чего шахтеры, видя тщетность переговоров, покинули совещание [17; 13]. Стачка началась в ночь на 11 июля отказом горняков спуститься под землю. Утром к ночной смене присоединились две других. К полудню встали как все пять шахт города, так и остальные предприятия Междуреченска. 12 тыс. рабочих в робах и спецовках прошли по главной улице к городской площади, где расположились на асфальте перед ГК КПСС. На площади был избран городской стачечный комитет из 20 членов, который выработал и представил на суд шахтеров список, включавший 41 требование экономического и экологического характера.

В тот же самый день в газете «Труд» на первой полосе было опубликовано интервью с лидером профсоюза угольщиков, который разъяснил суть, как он выразился, «ультиматума» министру Щадову. Е числе прочего профсоюз потребовал предоставить коллективам шахт право самим определять режим труда и отдыха, общий выходной в воскресенье, 40%-го надбавку за работу ночью, оплату времени, уходящего на дорогу в запой и обратно, приоритет капиталовложениям в социальную сферу. Однако «ультиматум» не покрывал всех требований шахтеров и давал министерству почти год на его выполнение, неудивительно, что эта попытка снять нарастающую напряженность не помогла. 12 июля министр Щадов прибыл в Междуреченск и вместе с заместителем, первым секретарем обкома и председателем облисполкома три часа пытался «образумить» рабочих, которые, однако, отвергли все предложенные компромиссы.

После переговоров с Москвой министр снова предложил уже более широкие уступки, прося принять во внимание сложность поднятых горняками проблем. Тем не менее, бастующие продолжали выдвигать в качестве главного условия возобновления работы - полное удовлетворение своих требований. Всю ночь и следующий день (13 июля) на площади митинговало от 5 до 20 тыс. человек. В три часа пополудни стачком объявил о принятии 36 из 42 требований и рекомендовал приступить к работе. Однако шахтеры продолжали митинговать уже на шахтах, результатом чего стало открытое письмо правительству, требующее улучшить снабжение Сибири и Дальнего Востока продуктами, доведя его до рекомендованных медициной норм, положить конец официальным привилегиям аппарата и немедленно начать всенародное обсуждение проекта новой конституции, которую необходимо принять не позднее 7 ноября 1990 г. (Это, кстати, иллюстрирует отношение рабочих к Октябрьской революции. Установить именно этот срок интеллигенции просто не пришло бы в голову.) В письме содержались требования приезда в Кузбасс руководителей партии и государства, и, чтобы ускорить его, шахтеры призвали ко всеобщей забастовке в регионе. К работе горняки Междуреченска приступили только 14 июля [4].

С этого момента забастовка солидарности стала распространяться по всем городам Кузбасса, причем останавливались не только шахты, но и предприятия других отраслей. Везде события развивались по одному сценарию: горняки занимали центральные площади и митинговали. Рабочие отряды поддерживали общественный порядок. По требованию стачкомов были закрыты винные магазины, приостановлена торговля спиртными напитками и на главных транспортных магистралях поставлены заградительные «антибутлегерские» посты. За небольшим исключением горня-

ки поддерживали работоспособность шахт, занимаясь текущим ремонтом, откачкой воды и т. п.

15 июля во Дворце культуры г. Новокузнецка министр и первый секретарь обкома попытались повторить торг, который вели с междуреченцами. Однако к этому времени стачкомы представляли уже не пять, а 158 шахт и не 12, а 177 тысяч рабочих, поэтому переговоры проходили очень трудно. Шахтеры потребовали присутствия Горбачева и Рыжкова, как единственной гарантии, что их снова не обманут пустыми посулами [17; 19, с. 4]. Оба руководителя не были намерены приезжать, но Горбачев 16 июля сообщил горнякам телеграммой, что к ним едет делегация на высшем уровне (член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, заместитель предсовмина СССР и председатель ВЦСПС), и просил вернуться на рабочие места. Тем не менее, рабочие не были готовы поверить даже Горбачеву и приняли решение бастовать до завершения переговоров с комиссией. Ее члены в г. Прокопьевске встретились с представителями регионального стачечного комитета во главе с его председателем Т. Г. Авилиани, членом Верховного Совета СССР, заместителем директора треста «Киселевскуголь». 18 июля после круглосуточных дебатов с комиссией забастовочный комитет заявил, что прогресс на переговорах достигнут, основные требования приняты, и призвал всех вернуться на работу. Однако 19 июля этому призыву последовали только 64 тыс. бастующих (91 шахта), полностью же забастовка прекратилась лишь 21 июля [7; 20, с. 3].

Первая стачка в Донбассе началась в Макеевке 15 июля, а через два дня остановились все восемь шахт города. Горняки выдвинули 38 требований, аналогичных кузбасскому списку, и потребовали приезда члена Верховного Совета СССР А. Тунина. Несмотря на правительственные заверения, что соглашения, подписанные в Прокопьевске, распространяются на всю отрасль, шахтеры настаивали на непосредственных переговорах с руководителями партии и государства. Распространение забастовки по Донбассу началось 18 июля, в тот же день, когда кризис в Кузбассе миновал. Создавалось впечатление, что соглашения с кемеровскими рабочими спровоцировали акции в других регионах. Макеевские горняки вернулись в шахты вечером 20 июля, а центр стачки переместился в Донецк, где сформировался региональный забастовочный комитет, включивший представителей близлежащих шахт Ростовской, Днепропетровской и Ворошиловградской областей. Движение в Донбассе разворачивалось по кузбасскому образцу, однако кроме большого числа экономических требований шахтеры, в частности павлоградские, выдвинули политические: отмена 6-й статьи Конституции СССР, освящающей «руководящую роль» партии (эвфемизм, скрывающий притязания бюрократов на монополию власти), принятие новой конституции и создание независимых профсоюзов.

Двадцатого же июля стачка вспыхнула в Червонограде Львовской области на всех 12 шахтах города. 22 июля забастовали также восемь шахт в Волынской области [21, с. 20]. Правительственная комиссия прибыла в Донецк (20.07.1989 г.) во главе с заместителем Председателя Совета Министров Ворониным и к 23 июля соглашения с шахтерами были подписаны. На следующий день утром 73 шахты Донецкой области окончили забастовку, но 50 шахт, особенно в городах Донецке и Торезе, послали своих представителей к Рыжкову за дополнительными гарантиями. Полностью работа в Донбассе возобновилась только к 27 июля [19, с. 7; 11; 13].

В Печорском угольном бассейне стачка началась 19 июля, охватив за два дня 11 из 13 шахт города Воркуты. Здесь горняки также выдвинули политические требования, в том числе отмены выборов на Съезд народных депутатов от общественных организаций, а кроме того прямых выборов Председателя Верховного Совета и ряда других постов. Ночью 22 июля к стачке присоединились все шесть шахт г. Инты. Забастовка прекратилась только 25 июля после получения из Москвы фотоконии соглашения с подписями представителей правительства и шахтеров [21, с. 21; 9]

Стачка в Карагандинском, третьем по величине угольном бассейне страны началась в ночь с 19 на 20 июля под предлогом того, что средства массовой информации скрывают суть происходящего в Кузбассе и список требований кемеровских шахтеров. К 21 июля остановились все 14 шахт (16000 рабочих). Дальнейшие события развивались точно так же, как и в других регионах: приезд комиссии (21.07. 1989 г.) - протокол (22.07.1989 г.) - окончание забастовки (в ночь на 23 июля) [10; 21, с. 21]. По завершении: стачек забастовочные комитеты не прекратили свое существование, а трансформировались в рабочие комитеты, имеющие целью контроль за выполнением соглашения, подписанных с правительством.

Требования шахтеров

Полные списки шахтерских требований так и не появились в центральной прессе. О тех из них, что не вошли в окончательные протоколы (особенно некоторых политических) существует только отрывочная информация. Неясно также, в какой степени формулировки достигнутых соглашений адекватны первоначальному изложению шахтерских требований, поскольку правительственные чиновники и народные депутаты активно участвовали по ходу переговоров в их переформулировании [22, с. 6]. Тем не менее, большинство рабочих находит текст соглашений приемлемым, хотя и сомневается, что все они будут выполнены. Требования бастующих можно отнести к четырем типам: касающиеся заработной платы и доходов, условий и режима труда, экологических вопросов и, наконец, политической власти.

Первые две группы вобрали в себя требования о различного рода доплатах и компенсациях, о введении сорока пяти единых выходных дней и увеличения их числа летом, о признании ряда болезней профессиональными, о минимальной зарплате {350 р. под землей и 250 р. на поверхности), о замораживании цен на ряд услуг и т. д. Все это экономические требования. Часть их касалась вопросов, решение которых лежит вне компетенции предприятий: улучшение снабжения водой, газом и электричеством, увеличение норм выдачи мыла, предоставление всем шахтерам жилья в течение 10 лет, снабжение продуктами по медицинским нормативам. Еще одну группу экономических требований можно назвать «политизированными»: сокращение управленческого персонала, компенсация в размере среднемесячной зарплаты за дни забастовки из профсоюзных фондов, сокращение на 50% профсоюзных работников, запрет на создание новых кооперативов и закрытие существующих в сфере медицины и общепита, введение регионального хозрасчета и самофинансирования. Наконец, гарантия неприменения санкций против бастующих после окончания стачки, которая должна продолжаться до полного принятия всех требований и опубликования в прессе гарантийных обязательств их выполнения [24].

Требование самостоятельности шахт, не оговоренное в «ультиматуме» ЦК профсоюза от 11 июля 1989 г., рассматривалось шахтерами как центральное условие (хотя до сих пор неясно, что самостоятельность означает на практике). Один из главных аспектов этого - право свободно распоряжаться сверхплановой продукцией, продавая ее по договорным ценам, в том числе и за рубеж. Более широко это означает вообще свободное владение своим доходом после уплаты всех налогов и отчислений в бюджет.

Что касается экологии, то помимо общего требования устранить ущерб, наносимый природе, шахтеры заявили о необходимости строительства нового очистного завода в Междуреченске и замораживания проекта Крапивинского гидроэнергетического узла на реке Томь, которой, по мнению независимых специалистов, угрожает превращение в резервуар для сточных вод. Было также выдвинуто требова-

ние прекратить испытания в Семипалатинске и уничтожение ядерных ракет средней дальности в Сары-Озерске [25, 26].

Описанные выше экономические и экологические требования носят политический привкус, поскольку они адресованы центральной власти и призывают ее изменить государственную, будь то социальную, экономическую или природоохранительную политику. Однако есть требования, непосредственно направленные против бюрократической власти и ее привилегий. Ко всему этому, как и к требованию закрыть кооперативы, которое шло вразрез со стратегией экономической реформы, чиновники и пресса подошли в высшей степени осторожно, уделив данным вопросам наименьшее внимание.

Бездушное отношение местных властей к нуждам шахтеров было главной темой митингов во время забастовки. Представителям власти часто бросали в лицо: «Вот идет местная мафия» [9; 14; 17]. Шахтеры не хотели больше терпеть недемократичные, дискредитировавшие себя органы власти, требуя немедленного смещения директоров шахт, руководителей производственных объединений, переизбрания СТК, местных Советов, партийных и профсоюзных лидеров.

Стремление рабочих решать вопросы напрямую с верхними эшелонами власти в обход местных чиновников не означает, что шахтеры, словно старорежимные крестьяне, верят в «хорошего» царя и «плохих» министров. Просто горняки прекрасно осведомлены о реалиях бюрократического управления, при котором чиновника волнует только мнение начальника. Поэтому, обращаясь на верх пирамиды, рабочие ожидали исходящего оттуда приказа местным властям, без которого те сами бы не решились удовлетворить требования бастующих. Часть проблем касалась непосредственно центральной власти, например: отмена выборов народных депутатов от общественных организаций могла положить конец власти бюрократов вообще, а требование прямых выборов Председателя Верховного Совета имплицитно содержало в себе призыв к Горбачеву вмешаться в конфликт на стороне народа.

Открытое письмо междуреченских горняков также призывало к отмене всех привилегий, это требование было повторено в ходе каждой последующей забастовки. Близкая сердцам простых людей идея социального равенства и справедливости - одна из главных причин популярности Ельцина, который неоднократно выступал в поддержку разработки специального законодательства по этим вопросам [19, с. 4]. Почти повсеместно бастующие требовали передачи в общее пользование спецбольниц и поликлиник, использования официальных зданий на социальные и культурные нужды, кое-где дело доходило даже до проверки жилищных условий местных чиновников [19, с. 4; 6].

В свете всего этого весьма забавно встречать в интервью, которые дают лидеры бастующих, утверждения, что у них не было политических требований. И сами шахтеры, и власти подразумевают под «политическими» действиями лишь антисоциалистические, антигосударственные и антипартийные акции. Однако этого еще в Советском Союзе, по крайней мере среди рабочих, не наблюдалось, более того: есть сообщения, что бастующие изгоняли из своих рядов представителей «Демократического Союза», организации, выступающей за восстановление в СССР капитализма и демократии «западного типа» [3; 5].

Реакция правительства

Узкая социальная база перестройки, начатой Горбачевым, существенно ограничила его в выборе средств разрешения июльского конфликта. Репрессии бы полностью дискредитировали экономическую реформу в глазах рабочих и сыграли на руку антиперестроечным элементам в партийно-государственном аппарате, за спиной которых поддержка целой армии функционеров среднего и низшего уровней.

С другой стороны, глубина шахтерского скептицизма по отношению к властям на всех этажах иерархии, интенсивность их фрустрации и желания добиться реальных перемен исключали возможность обычного подкупа путем минимальных уступок и широких обещаний. В то же время, выполнение на деле требований шахтеров сразу же дало бы ценную реакцию забастовок по всей стране, выдвигающих подобные требования.

Горбачев, конечно, не желал этой волны забастовок. Но уж если ситуация сложилась именно так, он, как опытный политик, был вынужден искать способ получить свою долю дивидендов, чтобы расширить социальную базу в рабочем классе и еще больше ослабить своих противников среди высших бюрократов. Формула, которой он воспользовался, была проста, но изящна: забастовки объявлялись движением трудящихся в поддержку экономической реформы, осуществляемой слишком медленно. Одновременно делались согласованные усилия, чтобы направить гнев рабочих на местные органы власти и, особенно, на министерство, которое обвинили в торможении реформы. В связи с этим в прессе и в заявлениях правительственных чиновников многократно повторялась мысль, что основным требованием бастующих является предоставление самостоятельности предприятиям, хотя нет никаких подтверждений преобладания данной идеи в сознании шахтеров в начале забастовки. По-видимому, даже в правительстве не предполагали дать самостоятельность предприятиям угольной промышленности, поскольку данное требование отсутствовало в «ультиматуме» ЦК профсоюза, выдвинутом непосредственно перед забастовкой.

Упор на самостоятельность предприятий позволил также обвинить министерство и, в меньшей степени, местные власти в доведении шахтеров до взрыва возмущения. Типичным для такого подхода надо признать заявление председателя донецкого облсовпрофа, который назвал забвение и игнорирование развития социальной сферы при головокружительном наращивании индустриальной мощи Донбасса - результатом диктата и произвола министерств и ведомств, действовавших при попустительстве местных органов власти [5, 13].

В действительности же пренебрежение социальным развитием - свойство самой бюрократической системы, творящей произвол и насилие над советским народом. Если справедливо распределить вину за это между всеми этажами иерархии власти, то окажется, что Политбюро и Секретариат ЦК КПСС несут наибольшую ответственность, поскольку именно они определяют общую структуру экономической системы и основы политики, которую министерства только претворяют в жизнь.

Эта же тактика позволила Горбачеву использовать стачку шахтеров для ослабления своих противников в среде высшего руководства партии и государства. Он успокоил аппарат заверением приверженности к идее руководящей роли партии, но подчеркнул, что ее сохранение в новых условиях потребует новых же методов работы. Перенос очередного XXVIII съезда КПСС с 1991 на 1990 г. показал, что не за горами и новые кадровые перестановки, заставив оппозицию выбирать между возможностью примкнуть к генеральной линии и вероятностью потери своих постов.

В то время, как идея самостоятельности предприятий эксплуатировалась идеологическим аппаратом на полную мощь, другие требования шахтеров, идущие вразрез с общим духом экономической реформы, в частности призыв к закрытию кооперативов, отошли на третий план. В ряде статей данное требование было заклеено как проявление уравнилельной психологии и незрелости сознания трудящихся [8. с. 2]. Дискуссии по этому вопросу не допускались, поскольку они неизбежно апеллировали бы к общественному мнению, а оно в Советском Союзе сегодня таково, что проведение в данный момент, например, референдума по кооперативам привело бы к резкому свертыванию их деятельности, если не полному запрещению. (Давление общественности уже заставило правительство передать вопросы ре-

гулирования кооперативной деятельности на откуп местным властям, предусмотрительно освободившись от этого политического балласта.)

В целом позиция правительства заключалась в признании требований шахтеров справедливыми, однако с непременным подчеркиванием того, что стачки — не лучший метод добиваться их выполнения. Была сделана попытка мобилизовать общественное мнение на осуждение бастующих с целью заставить их вернуться на рабочие места. Любая статья о забастовках касалась подсчетов материального ущерба от недополученной продукции, часто публиковались письма рабочих других отраслей, напоминающих шахтерам о потерях, которые несут смежники и потребители. Призывали вернуться к работе и члены межрегиональной депутатской группы во главе с Ельциным и Сахаровым.

Местные власти заняли такую же позицию, как и центральное руководство, выражая поддержку требований и неприятие методов бастующих. На практике же они придерживались пассивного созерцания событий. Партийные секретари, избранные в стачкомы, и руководители местных Советов, разговаривавшие с горняками на митингах, были редким исключением [17]. Профсоюзные организации тоже оказали поддержку бастующим, например, обеспечивали бесплатное питание, транспорт, юридическое консультирование, но только в очень немногих случаях возглавили забастовку. Чаще всего рабочие отзывались о них как о бесполезных органах, хотя и отмечали положительную роль, сыгранную лидерами профсоюзов на переговорах с правительством.

Отнесясь терпимо к шахтерской стачке, правительство приняло меры, чтобы не допустить других рабочих выйти на новые забастовки. Было дано указание партийным комитетам регионов провести встречи с представителями трудящихся для обсуждения их требований и даже убрать непопулярных руководителей [30; 8; 13]. Правительство также пошло на прямые переговоры с представителями железнодорожников, которые угрожали забастовкой с первого августа 1989 г. Это позволило выиграть время и принять новый закон о трудовых спорах, резко затрудняющий будущие стачечные инициативы рабочих.

Это и есть та самая «твердая рука», необходимая, по мнению многих советских интеллектуалов, для успеха проводимых реформ. Однако проблема состоит в том, что, как показал недавний польский опыт, «Кавеньяк» не способен осуществить рыночную реформу. Вот почему Ярузельскому пришлось стать «другом рабочих», а советник «Солидарности» занял пост премьер-министра.

Соглашения

Результаты забастовок можно разделить на экономические и политические. Первые отражены в протоколах, подписанных правительственными комиссиями, вторые — в разного рода мерах, принятых центральной властью...²

Сознание рабочего класса и перспективы движения

Забастовка шахтеров поставила под сомнение широко распространенные среди советских интеллектуалов представления о рабочих как о брутальной, алкоголизированной, деклассированной массе, потенциальной базе бюрократической реакции, возможно под флагом русского шовинизма. (В реальности же «Память» имеет значительное число последователей среди интеллектуалов, но не может похвастаться сколько-нибудь солидной опорой в среде рабочих промышленности.) Поколебалось и другое обычное для интеллигенции мнение, что рабочие не способны управлять.

² Эту часть статьи, как не представляющую интереса для советских читателей, мы не публикуем (прим. ред.).

что в правительстве и парламенте должны быть компетентные люди, под которыми подразумеваются представители образованных слоев общества.

Хотя забастовочное движение возникло и распространилось спонтанно — стачкомы были сформированы только после начала акций — шахтеры продемонстрировали замечательную организованность, дисциплинированность и выдержку. Во время забастовок не наблюдалось случаев насилия, рабочие формировали собственные силы охраны порядка, милиция отмечала значительное уменьшение количества правонарушений и преступлений в эти дни. Во многих местах медицинские вытрезвители стояли без работы — случай беспрецедентный для советской действительности. Интеллектуалы часто обвиняют рабочих в незаинтересованности политикой и в том, что их легко подкупить минимумом материальных благ. Однако во время забастовки были случаи организованного бойкота распродаж дефицитных товаров, которые устраивались властями, чтобы отвлечь рабочих от митингов.

Стачечные комитеты ориентировали предприятия на обслуживание насущных потребностей населения, не присоединившегося к забастовке. За небольшим исключением шахты поддерживались в рабочем состоянии. Учитывались и интересы потребителей, стачкомы вместе с инженерами определяли минимальное количество угля, потребное металлургам, чтобы не остановить доменные и мартены [1; 7],

Забастовка показала высокий уровень политического сознания рабочих. Они не клюнули на приманки правых националистов и бюрократов. Стачка началась как движение за экономические изменения, но собственный горький опыт шахтеров подсказал, что лучшая гарантия выполнения своих требований — это власть народа, то есть демократия. В этом они были тверды и неуступчивы, продемонстрировав полное недоверие существующим властным структурам снизу доверху.

Даже когда шахтеры приняли решение вернуться к работе, большинство из них не было уверено, что добились чего-либо существенного. Поэтому стачкомы не были распущены, а преобразованы в органы контроля за ходом выполнения соглашений, и сама стачка только приостановлена, но не завершена.

Отсутствие настоящих контактов между рабочими и интеллигенцией — безусловно, один из козырей правительства. Интеллигенция в большинстве своем поддерживает правительственные проекты, чем отличается от рабочей массы, в основном, настороженно относящейся к реформам. Поскольку требование производственной автономии, похоже, не было центральным вопросом до начала переговоров с правительством, логично предположить, что его подсказали рабочим уже во время обсуждения соглашений. Шахтеры приняли предложенный выход: производить больше, продавать сверхплановую продукцию и обеспечивать себя самим. Значит ли это, что они поддерживают рыночную реформу? Сомнительно, однако точный ответ даст только будущее.

В самых общих чертах произошло следующее: горняки потребовали контроля над производством и распределением, т. е. власти. Правительство в соответствии с логикой экономической реформы канализировало эти требования в русло предоставления контроля только на уровне предприятия. Это увело рабочих от борьбы за контроль над условиями функционирования самостоятельных предприятий. Что, действительно, пока не прозвучало в комментариях прессы — это обсуждение смысла самостоятельности шахт. Прибыли в угледобыче сильно зависят от природных условий — качества и типа породы, глубины залегания пластов и т. п. — что находится вне контроля самих рабочих. Издержки производства в Донбассе много выше, чем в Кемеровской области, где уголь добывают прямо у поверхности земли. Все, что мы знаем о чувстве справедливости в среде шахтеров, подсказывает: они будут считать условия конкуренции между самостоятельными производителями (шахтами) неравными при рыночном механизме определения цен на уголь. Даже в Польше, где лидеры «Солидарности» твердо выступают за рыночные отношения, только 4% промышленных рабочих согласны иметь зарплату, зависящую от при-

быльности предприятия, определяемой рынком [27]. Во всяком случае, неясно, что означает обещание правительства платить за уголь в соответствии с реальными издержками его добычи. Если это действительно так, то о рынке говорить не приходится, получается снова «уровниловка». Если же правительство не выполнит обещаний, снова возникнет недовольство и опасность забастовок, поскольку применение к нерентабельным шахтам рыночного критерия неизбежно приведет к закрытию убыточных предприятий и увольнению горняков. Что за этим последует можно было увидеть на примере британской угольной промышленности, несколько лет назад пережившей мощные волнения шахтеров. Естественно, на этот же исход будет работать и ползучее повышение цен на потребительские товары, провоцируемое экономической реформой. <...>

Утверждение, что забастовка явилась мощным движением «низов» в поддержку перестройки - мягко говоря, преувеличение. Главный вопрос июльских стачек - власть — остался нерешенным. Рано или поздно (но скорее всего рано), те же самые причины, что вызвали забастовку, поставят перед рабочими проблему проведения отраслевого совещания и создания организации, которая бы занималась их общими проблемами, не решаемыми ни министерством, ни рыночным механизмом. На таком совещании они будут обсуждать два вопроса: какие централизованные функции оставить министерству и как заставить его нести ответственность перед горняками и, шире, всеми жителями шахтерских регионов.

Когда рабочие целой отрасли начнут совместно обсуждать свои проблемы, необходимость координации с трудящимися других секторов экономики станет совершенно очевидной. Таким образом внутренняя логика движения ведет к предъявлению правительству требования демократизировать государственное планирование (не уничтожить его, а выбить из рук бюрократов). С самого начала развития рыночных отношений в Европе, трудящиеся боролись против «свободного» рынка за общественное регулирование и обеспечение социальной стабильности и справедливости. Нет никаких причин полагать, что советские рабочие пойдут другим путем.

Ключевое слово здесь — «независимость»: и организационная, и идеологическая. Ставки в этой игре очень высоки - как показали забастовки, только рабочие могут решить судьбу перестройки. Один из главных результатов июльских стачек заключается в том, что шахтеры теперь хорошо осознали эту истину, а их забастовочные комитеты являют собой зародыш будущих независимых рабочих организаций.

Перевод с английского языка А. В. ЛИПСКОГО

ЛИТЕРАТУРА

1. Труд. 1989. 4 июля.
2. Там же. 7 июля.
3. Там же. 13 июля.
4. Там же. 15 июля.
5. Там же. 16 июля.
6. Там же. 17 июля.
7. Там же. 19 июля.
8. Там же. 21 июля.
9. Там же. 22 июля.
10. Там же. 23 июля.
11. Там же. 25 июля.
12. Там же. 29 июля.
13. Там же. 2 августа.
14. Там же. 5 августа.
15. Там же. 11 августа.
16. Известия. 1989. 10 марта.
17. Соц. индустрия. 1989. 3 августа.
18. Собеседник. 1989. № 31.
19. Аргументы и факты. 1989. № 30.
20. Моск. новости. 1989. № 30.
21. Вести из СССР. 1989. № 13/14.
22. Правит. вестник. 1989. № 16.
23. Le Mond. 1989. July 20. P. 6.
24. Manchester Guardian Weekly. 1989. July 30. P. 7-8.
25. New York Times. 1989. July 14. P. A-3.
26. Liberation. 1989. July 15.
27. Zucie gospodarcze. 1989. August.